

— Мне звонили полицейские и классный руководитель. Сказали, что Сян Хаомин... — Лай Чэн замолчал на полуслове, опустил взгляд, лицо помрачнело. — Сказали, что его убили... и попросили меня помочь в расследовании.

Вилла семьи Лай трёхэтажная. Перед домом сад, выходящий прямо к реке. Ветер с воды зимой пронизывает до костей, но летом тут, должно быть, просто рай.

Дом купил отец Лай Чэна, но живёт здесь в основном он один. Минг Шу осмотрелся на первом этаже: на ковре в гостиной валялись игровая приставка и джойстики, рядом несколько коробок с дисками, а на журнальном столике были раскрыты два сборника упражнений по английскому. Как для парня из второго класса старшей школы, здесь было вполне чисто и аккуратно.

— Сян Хаомин добавил тебя в WeChat, ты перевёл ему деньги одиннадцать раз, — сказал Минг Шу. — Вы хорошо общались?

У Лай Чэна дёрнулся кадык, он немного ссутулился:

— Он сидел от меня по диагонали впереди. Был старостой по физике. Иногда я спрашивал у него, как решать задачи.

Минг Шу немного удивился:

— Ты переводил ему деньги не потому, что он приносил тебе еду или напитки?

Лай Чэн удивлённо покачал головой:

— Я никогда не просил его что-то купить.

— Тогда за что это были деньги?

— За объяснение задач.

Сяо Юань, стоявший у панорамного окна, обернулся:

— Сян Хаомин брал с вас деньги за объяснение? Как долго это продолжалось?

Судя по выражению лица Лай Чэна, он считал это абсолютно нормальным:

— С первого курса старшей школы. Он хорошо знал физику и математику, с химией и биологией было хуже, а гуманитарные предметы ему не давались. Мы просили его объяснить

математику и физику, он брал символическую плату — по десять-пятнадцать юаней, иногда чуть больше, но никогда много. Точную сумму я не помню.

— Учителя знали об этом? — спросил Сяо Юань.

— Учителя точно знали, что он помогает с учёбой. Один даже похвалил его за добросердечность.

— Подожди, — перебил Минг Шу. — Ты говоришь, десять-пятнадцать юаней, иногда чуть больше — и называешь это "символически"?

Лай Чэн будто не сразу понял, в чём вопрос. Лишь через пару секунд, подумав, сказал:

— А разве это не символическая плата? За эти деньги можно разве что купить чашку ароматизированного молочного чая... и то не настоящего, с порошком, не на молоке.

Сяо Юань хлопнул Минг Шу по плечу.

Минг Шу сразу понял: Лай Чэн из богатой семьи, и, вероятно, другие ученики, просившие Сян Хаомина объяснять задачи, тоже были из таких же семей. Для них пара десятков юаней — мелочь, которую можно и не считать. За курсы в языковых школах или частных репетиторов платят десятки, а то и сотни тысяч, так что та плата, которую брал Сян Хаомин, для них действительно была лишь «символической».

— Учителя знали. А одноклассники? — спросил Сяо Юань. — Ты сидел рядом с Сян Хаомином, и он помогал тебе с учёбой. То, что он берёт деньги за объяснение, было секретом только для тех, кто сидел рядом, или об этом знали все?

— Весь класс знал, — с уверенностью ответил Лай Чэн. — Но, по правде говоря, к нему обращались немногие. Сейчас подумаю... кроме меня — Е Хуань, Чжоу Цзинцзин, Ян Цзяо, Чэн Сяоцзян, Сюй Чжао... кто ещё, не помню.

Минг Шу пробежался в уме по именам: эти пятеро как раз входили в число восьми учеников, имевших связь с Сян Хаомином. Кроме них были ещё Ли Хуа и Ло И.

— В вашем классе около шестидесяти человек. Раз Сян Хаомин хорошо объяснял, да ещё и просил за это лишь символическую плату, — заметил Сяо Юань, — почему тогда к нему обращались только вы?

В глазах Лай Чэна промелькнула насмешка:

— Наш класс ведь не какой-то элитный. Съездите в Первую школу, сами всё увидите — у нас в

классе в основном отстающие. Сян Хаомин поступил по конкурсу, но не дотянул до экспериментального класса, вот его и распределили к нам. В таких классах, как наш, всегда есть пара отличников.

— Ты сам называешь свой класс классом отстающих? — спросил Минг Шу.

— А что в этом такого? — пожал плечами Лай Чэн. — Что есть, то есть. Хотя среди отстающих тоже есть те, кто хочет учиться лучше — например, я и Сюй Чжао. Но таких мало. Остальные только и делают, что играют, им точно не до Сян Хаомина и его задач.

Постепенно у Минг Шу начал складываться образ Сян Хаомина как школьника. Он снова спросил:

— У него были друзья в классе?

— А вы как думаете? — Лай Чэн потер нос. — Да, правда, он особо ни с кем не общался. Отличники всегда такие. Думаю, он очень хотел попасть в экспериментальный класс, но не мог — ему всё время не хватало пары баллов на контрольных.

— Кроме тех, кто просил его объяснять, кто ещё часто с ним общался? — продолжил Сяо Юань.

Лай Чэн подумал:

— Да, пожалуй, больше никто.

— То есть он был «невидимкой» в классе?

— Можно и так сказать, — согласился Лай Чэн. — Только по успеваемости он точно не «невидимка» — он был лучшим в нашем классе.

— Ты говорил, что в каждом классе есть несколько таких отличников, как Сян Хаомин, — сказал Минг Шу. — Кто ещё, кроме него?

— Вэнь Чаолун, Ци Сяочжоу и Сяо Манман, — пожал плечами Лай Чэн. — У нас всего четверо таких. Слишком мало, средний балл класса с ними не вытянуть.

Сяо Юань подошёл к журнальному столику, взял с него одну из книг с упражнениями и взглянул на обложку:

— Собираешься за границу?

— Конечно. Я не создан для учёбы. В Китае я не смогу поступить в хороший университет.

— Но ты всё равно прилежнее многих своих одноклассников.

— Они — мусор. Я просто чуть получше.

Пока Лай Чэн разговаривал с Сяо Юанем, Минг Шу не сводил с него взгляда.

Через некоторое время Лай Чэн, вероятно, заметив его взгляд, повернулся и с почти наивным выражением спросил:

— Вы что, думаете, что смерть Сян Хаомина как-то связана со мной?

Минг Шу приподнял брови:

— Почему ты так решил?

— А зачем бы вы тогда пришли ко мне? — сказал Лай Чэн. — Я же не дурак. Сейчас же так много случаев школьной травли. Вы увидели, что я переводил ему деньги, и решили, что я один из подозреваемых. Но это не так. Я просто платил ему за объяснения. Не верите — можете спросить у других. На самом деле, когда узнал, что его больше нет, мне и самому стало очень грустно. У нас в классе, кроме него, только трое отличников, и никто из них не захочет со мной возиться. В следующем семестре больше никому будет объяснять мне задачи.

Минг Шу нахмурился.

Последние слова Лай Чэна вызвали в нём неприятное ощущение холода.

Одноклассник, с которым они учились бок о бок, погиб, а весь «грусть» Лай Чэна заключалась лишь в том, что теперь никому будет помогать с учёбой.

Сяо Юань сказал:

— Раз уж ты сам заговорил о школьной травле, задам тебе ещё один вопрос. Сян Хаомин в Первой школе кого-нибудь обидел? Или, насколько тебе известно, был кто-то, кто его недолго любил?

— Я могу гарантировать только одно: он не обижал меня, — сказал Лай Чэн. — А кого он мог обидеть — тут только тот, кто чувствует себя обиженным, может сказать. Иногда ты в лицо ругаешь человека, а он и не чувствует обиды, а иногда ты даже не пересекался с кем-то, а он уже тебя на дух не переносит.

Минг Шу сказал:

— У тебя довольно интересный взгляд на вещи.

Когда они вышли из дома Лай Чэна, Сяо Юань спросил:

— Что думаешь о нём?

— Не похоже, что он врёт. Но он из тех, кому сложно сопереживать чужому горю, — ответил Минг Шу. — Хотя он и рассказал кое-что важное — Сян Хаомин был лучшим учеником в классе. Возможно, это вызывало у кого-то зависть. Но здесь есть противоречие: убийство было чрезвычайно жестоким, это говорит о психопатии у преступника. Если бы это была просто зависть, вряд ли человек зашёл бы так далеко.

Он сделал паузу.

— Хотя нельзя исключать, что завидующий ему человек и правда обладал асоциальной личностью.

Сяо Юань сказал:

— Сян Хаомин брал деньги за объяснение заданий. Лай Чэн считал это нормальным, и, скорее всего, другие платившие ученики думали так же. Но наверняка были и те, кому это не нравилось, кто презирал его за это.

С берега подул особенно сильный ветер, Минг Шу вздрогнул от холода и несколько раз чихнул.

Сяо Юань снял с шеи шарф, собираясь повязать его на Минг Шу.

— Надень сам, — отстранился тот.

Но Сяо Юань не обратил внимания на отказ и просто обвил его шею тёплым, ещё пахнущим его телом шарфом.

Мягкая, пушистая ткань коснулась подбородка, внутренняя сторона шарфа была тёплой и приятной на ощупь, с лёгким запахом кожаной куртки. Минг Шу невольно втянул носом воздух:

— Руководитель есть руководитель, делает всё, не спрашивая разрешения у подчинённых.

Сяо Юань взглянул на него искоса:

— А без привилегий какой смысл быть руководителем? У подчинённого есть возражения?

Минг Шу, спрятавшись в шарф, пробурчал:

— Этот подчинённый не смеет возражать.

Покидая жилой комплекс, им пришлось пройти мимо управляющей компании. Конфликт между жителями и управляющим всё ещё не утих, а с появлением журналистов ситуация только накалялась.

— По сути, это конфликт между двумя группами жильцов. Управляющая компания встала на сторону южного района, и теперь это выглядит как противостояние между ней и жильцами северного района, — сказал Минг Шу, вслушавшись в происходящее и уловив суть спора. — Жильцы южного района вообще не появляются.

Сяо Юань, сев за руль, ответил:

— Потому что управляющая компания уже договорилась с южанами. Теперь она выступает их "представителем".

— Общественное мнение наверняка акцентирует внимание на социальном неравенстве, — Минг Шу, сидя на пассажирском месте, массировал виски. — В этой ситуации ясно, что управляющая компания не справилась, но и застройщик тоже несёт ответственность.

Сяо Юань открыл навигатор:

— Далее едем к Чэн Сяоцяну.

Остатки красной бумаги и неиспользованные петарды, собранные из ямы в переулке Фанлун, были распределены на партии и отправлены на анализ. В результате выяснилось, что часть из них не принадлежала к тем, что закупались жителями переулка централизованно.

Сяо Мань приехал в офис группы по расследованию тяжких преступлений, собираясь захватить кого-нибудь с собой для проверки источника петард, и как раз увидел, как Фан Юаньхан несет вверх коробку с едой.

— Отставить обед, — Сяо Мань с хлопком стукнул Фан Юаньхана по голове папкой. — Пошли со мной.

Услышав, что дело касается поиска источника петард, Фан Юаньхан сразу оставил еду, схватил куртку и побежал.

Все спешили раскрыть дело. Перед тем как сесть в машину, Сяо Мань неожиданно проявил "великодушие" — зашёл в ближайший магазин и купил несколько булочек и пакетов молока.

Фан Юаньхан, жуя булку, начал ворчать:

— Когда я с Сяо Мингом выезжал на задание, он мне покупал горячие пирожки с яйцом и лепёшкой.

Сяо Мань фыркнул:

— У меня только булки. Не нравится — не ешь.

Фан Юаньхан, разрывая упаковку с трубочкой, нарочито сказал:

— А молоко ещё и холодное.

Сяо Мань съязвил:

— Сяо Минг тебе что, мама?

Фан Юаньхан ответил:

— Молоко пить можно, а вот языком болтать — нет.

Сяо Мань вёл машину быстро, лавируя по улицам:

— Раз Сяо Минг такой хороший, почему ты сегодня не поехал с ним? Ты же его любимый ученик, что случилось, нового ученика взял? С кем он сегодня?

У Фан Юаньхана дёрнулся глаз:

— Сегодня не с учеником...

— А с кем? — спросил Сяо Мань. — И Фэй всё ещё руководит осмотром в переулке Фанлун.

— Сегодня он с... — Фан Юаньхан кашлянул. — С заместителем Сяо.

Сяо Мань бросил на него косой взгляд и усмехнулся:

— Неудивительно, что тебя не взяли.

Фан Юаньхан, испугавшись, что Сяо Мань прозреет, в чём дело, раздражённо сказал:

— Следи за дорогой, понял?! Смотри вперёд!

Хотя производство фейерверков и петард в городе строго регулируется, по остаткам красной бумаги после взрыва найти конкретного производителя или продавца было непросто.

Сяо Мань и Фан Юаньхан объехали несколько точек продажи петард в пригороде Восточного района. Наконец, одна женщина лет пятидесяти сказала:

— У нас такие петарды есть.

Фан Юаньхан сказал:

— Пожалуйста, покажите их нам.

Хозяйка оказалась довольно решительной — прямо из кладовки вытащила коробку:

— Смотрите, смотрите, Новый год уже на носу, петарды сейчас дорого не продашь. Если вы возьмёте, я вам дам по полцены!

Фан Юаньхан обратил внимание на производителя, указанного на коробке:

— Уезд Фуюэ, деревня Чжююнь?

Деревня Чжююнь находилась далеко от главного города Донгье, тогда как остальные основные производители петард располагались рядом с городом.

— Да, Чжююнь, — хозяйка с гордостью кивнула. — Это место отдалённое, транспорт туда не очень удобный, доставка выходит дорогая, поэтому мало кто из продавцов там закупается. Обычно они продают в соседнюю провинцию. Но цены у них низкие. Я посчитала — даже с дорогой доставкой, если ехать один раз, всё равно выходит дешевле, чем у других поставщиков.

Фан Юаньхан спросил:

— Только вы закупаетесь у Чжююнь?

— Эм... — хозяйка задумалась. — Наверное, и другие кто-то считал затраты, но точно немного таких. По крайней мере, на нашей точке продажи — только у меня есть такие петарды.

Сяо Мань нетерпеливо спросил:

— До кануна Нового года кто-нибудь покупал у вас такие петарды оптом?

Выражение лица Сяо Маня испугало хозяйку, она с настороженностью спросила:

— А вы кто вообще такие? Зачем вам это знать?

Фан Юаньхан достал удостоверение:

— Полиция. Проводим расследование.

Хозяйка сразу занервничала:

— Я... я ничего не натворила?

Фан Юаньхан покачал головой:

— Вы ни при чём. Спасибо, что сообщили нам, где производят эти петарды. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить, были ли покупатели, которые брали их большими партиями.

То ли из-за страха перед полицией, то ли из нежелания влезать в неприятности, на лбу у хозяйки выступил холодный пот:

— В-все покупали довольно много... Я уже точно не помню, кто и сколько.

Фан Юаньхан спросил:

— У вас ведь есть ежедневные записи продаж?

— Есть, — ответила она.

Фан Юаньхан сразу посерьёзnel:

— Покажите их, пожалуйста!

— Все заказы были более-менее равномерные, самая крупная партия была 26-го лунного месяца, но всё равно меньше, чем я рассчитывал, — сказал Сяо Мань, хмурясь, когда они с копией журнала продаж вернулись в машину. — Если преступник не закупался партиями, то, скорее всего, не здесь он и купил.

— Ничего страшного, хоть зацепка появилась, — Фан Юаньхан завёл двигатель. — Преступнику не хватает знаний о глухих деревнях вокруг Донгье.

— А? — Сяо Мань повернулся к нему. — С чего ты взял?

— Если бы он разбирался, — Фан Юаньхан спокойно ответил, — он бы ни за что не стал покупать эти петарды. Чжунюнь — глухомань, стоимость доставки высокая. Только такие, как та хозяйка, кто тщательно просчитал итоговую цену, закупаются там. Поэтому на рынке петард из Чжунюнь почти нет — и это облегчает расследование. Преступник не учёл этот момент. Возможно, он вообще не знал, где находится Чжунюнь. Это говорит о нехватке житейской смекалки — или, скажем так, о незнании жизни на нижнем социальном уровне. Судя по их менталитету, они точно не поехали бы в Чжунюнь лично и не стали бы покупать по частям. Они даже не подозревают, что в этом кроется риск. Надо проверить ещё несколько точек продажи — скорее всего, найдём что-то важное.

Сяо Мань цокнул языком:

— Ну наконец-то начал мыслить как Сяо Минг.

Тем временем Минг Шу и Сяо Юань провели весь день, разыскивая студентов, у которых были денежные переводы от Сянь Хаоминя — удалось найти пятерых, трое других были с родителями в отпуске за пределами Донгье. Все показания совпадали с тем, что рассказал Лай Чэн, но, в отличие от его равнодушия, четверо других студентов выражали горечь и недоумение. Ян Цзяо даже расплакалась:

— Я знала, что у него трудности в семье... Если честно, я не слишком люблю учиться, если не понимаю задачу, то просто забиваю. Я просила его помочь мне с заданиями только потому, чтобы передать ему деньги — хотела, чтобы ему было хоть чуть-чуть полегче.

— Я даже не знаю, кто бы мог его обидеть, — всхлипывая, сказала она. — Кроме хороших оценок, он вообще никак себя не проявлял в классе. Даже Юань Ай и его компания не обращали на него внимания.

Минг Шу спросил:

— А кто такой Юань Ай?

— Эм... это... лидер в нашем классе, местный авторитет.

Команда И Фэя закончила опрос жителей в районе Фанлун и по пути обратно в управление получила звонок от Минг Шу — они сразу свернули к одному из клубов в южной части города.

По данным, полученным от Чжоу Юаня, Юань Ай сейчас как раз находился там и, судя по всему, уходить не собирался.

И в тот момент, когда И Фэй распахнул дверь одного из вип-залов, Минг Шу припарковал машину на улице Лантянь в восточной части города.

Несмотря на название «Синьцзе» (Новая улица), район был довольно старым и ни в какое сравнение не шёл с берегами Чуньчао или даже с проулком Фанлун — здесь было ещё хуже.

Вэнь Чаолун, о котором упоминал Лай Чэн, жил как раз здесь.

— Осторожно, брат, — предупредил Минг Шу. Район был плотной застройкой, с выбоинами на дороге и плохо освещёнными участками. Минг Шу шёл впереди, и хотя знал, что Сяо Юань вряд ли споткнётся, всё равно не удержался от замечания.

Они остановились у дома с табличкой «12-й корпус». Ещё не успели подняться, как услышали крики брани.

Хотя в обществе существует мнение, что «на праздники не стоит злиться», источник криков, судя по всему, был в бешенстве. Минг Шу уловил отрывки: «Почему ты такой никчёмный?!», «Если на экзамене после праздников не попадёшь в экспериментальный класс — можешь вообще подохнуть, мне надоело тебя содержать!»

В тусклом свете фонаря с лестницы слетел мальчишка — дыхание сбивчивое, на нём зимняя школьная форма.

— Вэнь Чаолун! — окликнул его Сяо Юань.

Парень остановился и обернулся.

Минг Шу заметил покрасневшие глаза и свежий отпечаток ладони на лице.

Поздним вечером в западной части города точки продажи фейерверков были на пике активности — праздник почти закончился, продавцы сбрасывали цены и громко зазывали.

Фан Юаньхан перекрывал шум голосом:

— Покажите, пожалуйста, накладные по отгрузкам перед кануном Нового года!

Это была уже 43-я точка, куда они с Сяо Манем пришли. Хозяин, как и предыдущая хозяйка, был хозяйственным — тоже закупал товар из Чжунюнь, но выглядел раздражённым:

— Ну подождите, сейчас.

Накладную вынес сын хозяина — парень лет двадцати с нахальным видом:

— Может, мне ещё прокомментировать?

Сяо Мань выхватил бумагу у него из рук.

Через несколько минут Фан Юаньхан резко ткнул пальцем в строку:

— Смотри сюда! 27-го лунного месяца — 12 коробок!

<http://bllate.org/book/14859/1322025>